

ВЕРХОМ НА ЗВЕЗДЕ

ПАВЕЛ
АНТИПОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Антипов
Верхом на звезде
Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44782827
SelfPub;*

Аннотация

Вторая книга Павла Антипова – это крепко сбитый, выдержанный роман, который сочетает необычную художественную рефлексию и минималистическую недосказанность. Оригинальная, полная юмора и ностальгии автобиография, где главным сюжетом является не то, о чем пишет автор, а то, как он это делает. Минск этого романа нестабилен, он мерцает во времени, новостройки рушатся, уступая тому городу, что стоял на их месте, и иногда возникает то, чего никогда не было. В этом просвечивающем, ненадежном Минске живёт компания непутевых молодых людей, которым на краткие мгновения удается жить настоящей жизнью.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	5
3	7
4	8
5	11
6	15
7	20
8	24
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1

Этой зимой я часто просыпаюсь по ночам. Я поставил кровать напротив окна, поэтому, открыв глаза, сразу вижу ветки деревьев под толстым слоем снега, за ними – пятиэтажку, а дальше – высокую трубу котельной. Труба помещается в окно целиком. Мне виден венок красных огней на верхушке и густой белый дым на фоне чёрного неба. Сегодня он стелется влево.

На улице очень холодно, и в тишине хорошо слышен гул – это в котельной кипит вода. Кипяток течёт по трубам, наполняя батареи в квартирах соседних домов, большинство из которых – хрущёвки.

2

Мне 32 года, а я до сих пор не написал роман. Последние лет десять во мне живёт мысль, что я обязан это сделать. Конечно, я начинал с рассказов, напечатал даже небольшую книжку, но всё это не то, не то. Я устраивался на работы, увольнялся, поучился в институте для писателей, снова шёл работать, чтобы уволиться окончательно – ведь работы мешают писать.

Сначала я себя успокаивал. Спокойно, говорил я, спокойно, вполне возможно, ты как Илья Муромец – этот герой с детства оправдывал моё существование. Жизнь, что текла мимо меня, учила: нужен положительный результат – чем скорее, тем лучше. И множество людей, которых я знал, этого результата добивались. Это меня сильно расстраивало. Единственным оправданием мне был Илья Муромец, который до 33 лежал на печи. Зато уж как встал! Но мне уже 32, и пора либо написать роман, либо найти в сказках другой персонаж.

Я сам не люблю все эти книги юных графоманов, куда излит весь небогатый опыт автора, все эти слёзы и сопли о своей трудной жизни. Надо было организовать всё как-то иначе. Нет, слёзы, сопли и трудную жизнь можно взять реальную, но сюжет и героев нужно преобразовать, перепридумать. И вот я составлял план и писал по инструкции карточки геро-

ев, в какой-то момент начинало казаться, что текст живёт своей жизнью. Обрадованный, я оставлял его вылежаться, а через месяц обнаруживал мёртвого уродца.

Таких попыток у меня было две или три. Параллельно я перечитывал школьную программу. Вспомнил про гегельянство и нигилизм. Пришлось заглянуть в философию. Где-то у немцев была мысль о том, что, познавая мир, я привношу в него себя. А с текстом разве иначе, подумал я? Какая разница, преобразовываю ли я жизнь или нет, всё равно это моя жизнь – не выскоблишь. А раз нет разницы, то не буду ничего перепридумывать.

3

И ещё одна вещь. Я считаю, что роман может быть написан только из сильнейшей внутренней необходимости. То есть его нельзя писать потому, что хочешь написать роман. Но я так сильно хочу его написать, что это превращается в сильнейшую внутреннюю необходимость.

4

Я перечитываю старые редакции и ловлю интересное совпадение. Тогда я тоже начинал с вида из окна. Поселил главного героя в мою комнату и разбудил его в день, когда должно было произойти множество событий. Герой впервые за много лет остался один и мечтал, что это начало его спокойной жизни. Спокойствие, по моему плану, должны были передавать бутафорские деревья с недавно вылупившейся листвой, отсутствие ветра, что было заметно по веткам, и какая-то птица, летящая, как разорванный чёрный пакет. На самом же деле это я – автор сидел напротив окна и старательно срисовывал вышеописанную картинку.

История моей семьи началась в этой же комнате. Мама встречалась с другим художником, который привёл и познакомил её со своим будущим соперником. Папа переводил дух после очередной пирушки, которые тут не прекращались; кровать его стояла в тёмном углу. Мама жила в общезитии через дорогу. Какое-то время спустя мои будущие родители расписались безо всякой свадьбы.

Мама говорит, у неё были ещё поклонники. Говорит, был один гитарист, всё думал, что мама выходит из-за квартиры. Но мама выходила по любви. Любовь я не застал, приходится верить на слово.

Родился я, потом Шурик, и гораздо позже Колька.

Папа наблюдал за этим удивлённо и беспомощно. Ему очевидно не подходила роль главы семейства. Он часто уходил к себе в мастерскую, где пропивал свои гонорары. После запоев возвращался и ссорился с мамой. Мы с братьями, естественно, никогда не были на его стороне. Может, только Колька, которому папа изредка приносил шоколадки.

По вечерам к нам с Шуриком приходили друзья. Мы занимали всё пространство маленькой комнаты. Там стояла двухъярусная кровать. Вадим, Лёха и Костя сидели на нижнем ярусе, ноги Андрея, Дубы и Шурика свисали с верхнего, напротив стоял стул, на котором сидел я, и пианино – к нему прислонился Женька. Во всей этой тесноте крутился и лазил по нашим головам первоклассник Колька. Мама в это время либо читала, либо готовила еду. Не дай бог было папе прийти в такой момент. Он заходил неряшливо одетый, как-то резко похудевший, только живот всё ещё переливался через край ремня.

– Павлик, ты не выбрасывал мою ветошь? – спрашивал он.

– Что-о? – грубо тянул я.

– А что ты мне купил? – подбегал к нему радостный Колька.

– Ну ладно, сидите-сидите, – бормотал папа, совался на пару минут в кухню, после чего убегал из квартиры.

Вся мамина зарплата уходила на еду. Она, наверное, что-то одалживала, или не знаю, как она выкручивалась. Дома было шаром покати. И вот папа, оказывается, скопил себе

на дачу.

Вскоре у папы забрали мастерскую, и если бы не дача, то я на его месте сошёл бы с ума. Впрочем, я сошёл бы с ума и на своём месте. Колька уже пошёл на скрипку и будил меня своими этюдами утром, а Шурик увлёкся гитарой и мешал заснуть вечером. В то время ещё раздавали бесплатные квартиры, и мы даже купили набор кастрюль. Казалось – вот-вот, но каждый раз мы пролетали. Тогда мама, устав от тесноты, решила вернуться в общежитие. Ей выделили блок: две комнаты и душевая с туалетом в небольшом коридоре.

Тем утром квартира была полностью моя. Папа был на даче, мама с Колькой и Шуриком просыпались в общежитии, а в Лёхино ухо заполз таракан.

Лёха жил в соседней хрущёвке. Его мать была фотографом, но там перестали платить, и она пошла работать в ларёк на Комаровке. Эти фанерные киоски заполнили все свободные места на рынке и выплеснулись чуть не до метро. В них продавалось всё: от китайской лапши до бытовой техники. Заработки у продавцов были хорошие, и вскоре Елена Викторовна смогла позволить себе и лапшу, и бытовую технику. Насыщение материальных потребностей обнаружило потребности духовные. Лёхина мать пошла в церковь. Тараканы приползли сразу, как в доме завелась еда. Священник окропил квартиру святой водой, но насекомых это не испугало. Тогда Елена Викторовна принесла из своего ларька какой-то токсичный карандаш и разрисовала им кухню. В результате тараканы перебрались в комнату, а один из них заполз в ухо к спящему Лёхе.

У меня зазвонил телефон.

– Пашка, я к тебе сейчас зайду, – объявил Лёха.

– погоди, я занят, – ляпнул я, быстро соображая, чем отговориться. Я мог быть занят переездом. Точно. Мне нужно помочь маме перенести вещи. Так и скажу.

– Отложи все занятия, твой друг попал в беду, – у Лёхи была склонность говорить выпренне. Он тоннами читал фэнтези и даже начал одно писать. В прототипы главных героев он выбрал себя и Шурика.

– Что ещё за беда? – насторожился я.

– У меня таракан в ухе.

– Вот козёл.

– Полегче с выражениями – он тебя хорошо слышит.

Выбора у меня не было. Я попросил Лёху захватить с собой пылесос.

– Ты ж у меня все мозги высосешь.

На это я заметил, что высасывать у Лёхи нечего, а вот пропылесосить мне не помешает. После разговора я со злостью выдернул провод из телефонной розетки. Розетки как таковой не было, провод был вкручен в круглый распределитель на стене. В случае чего только я мог всё исправить.

Следующий кадр. Я открываю дверь. Передо мной стоит Лёха с пылесосом и Шурик. Шурик собирался забрать гитару, но теперь, конечно, не отказался бы посмотреть на таракана из Лёхиной головы.

– Вот, брата тебе привёл, чтобы ты не скучал, – у Лёхи-то братьев не было. Ни одного.

– Тепло на улице? – спросил я автоматически.

– Ещё как! Даже ваши сумасшедшие соседи на лавочки выползли.

Сумасшедшие соседи – это глуховатый дед и толстая баб-

ка в красном берете. Бабка жила слева от меня, дед – справа. В тёплые дни они занимали противоположные скамейки у подъезда и делали замечания по поводу происходящего.

– ...! Слыхали? – орала бабка.

На что дед кивал головой. У него, кстати, тоже был головной убор – белая кепка.

– Как будем таракана доставать? – спросил я.

– Лучше всего пылесосом, – предложил Шурик.

– Лёха за мозги боится.

– Так я аккуратно. Ложись, Лёха, – Шурик уложил его на кровать и долго всматривался в уху.

Я начал наигрывать на пианино похоронный марш.

– А ты уверен, что там кто-то есть? – спросил Шурик.

– Знаешь, как топает! Пашка, прекрати!

Шурик включил пылесос, а я стал играть ещё громче.

Когда казалось, что шум составляет такой плотный поток, куда уже не сможет влиться ни один звук, раздался стук в дверь. Стучали так, что тряслись стёкла. Это вряд ли были недовольные соседи – по словам Лёхи, они сидели на улице. Скорее всего, кто-то из нашей компании: или Костя, или Андрей, или Женька, или Вадим. Любой из них, кроме Дубы, который уже полгода был в армии. Мы ездили к нему зимой на присягу. Было очень холодно. Клятвы о верности народу превращались в густой пар и летели в небо. Дуба сжимал в руках автомат. По его лицу было видно, что он не на своём месте.

Потом он писал нам письма в шуточной форме от солдата космической станции, по которым всё равно было понятно, что ему очень плохо. Он звал нас в гости каждые выходные – его часть была в двух остановках от Минска, и туда ходил городской автобус, но мы отчего-то постоянно переносили поездку.

«Надо бы съездить, действительно, а то что мы за друзья такие», – подумал я и открыл дверь. На лестничной клетке стоял милиционер.

Это случилось тогда, когда Шурик познакомился с гитаристом из Бельгии. Где? В парикмахерской.

Крис Мартин – так звали гитариста. Ему было немного за пятьдесят, и рот у него был точь-в-точь как у Мика Джаггера. Крис очутился в Минске благодаря девушке Кате. Раньше Катя была простой минской парикмахершей, но, познакомившись в интернете с Крисом, стала его женой. С парикмахерским трудом и Минском было покончено, но она приезжала, чтобы проведать родителей и подруг с бывшей работы.

В тот день – кажется, это было в октябре – Крис и Катя вошли в парикмахерскую «Рагнеда», что недалеко от Немиги, и направились к гардеробу. Молодой гардеробщик вместо того, чтобы расторопно принять у них верхнюю одежду, наигрывал что-то на неподключённой гитаре.

Это был Шурик.

Бывшие одноклассники Шурик и Дуба работали тогда в гардеробе «Рагнеды». Протекцию им составил Дубин отец, у которого везде были связи. Шурик и Дуба тогда только что завалили вступительные экзамены. И если у Дубы интриги не было – он получил «два» уже на первом испытании, и я даже не помню, куда он поступал, то за Шуриком вся наша компания следила с большим интересом. Для того что-

бы попасть в музыкальное училище, нужно было сдать четыре экзамена: хорошо сыграть на гитаре – за это волноваться не приходилось, Шурику сразу же поставили 5; показать свои знания в музыкальной теории, которой Шурик не знал, потому что никогда не ходил в музыкальную школу, но тут ему повезло, и он чудом то ли списал, то ли и правда расставил ноты в правильном порядке и с нужными паузами – получил 3; кое-как разобрался с белорусской литературой – «ад прадзедаў спакон вякоў»; оставалось написать диктант. От Дубы я знал такой эпизод, произошедший с Шуриком на уроке русского. На доске надо было записать пару предложений под диктовку. Какая-то там пейзажная сцена. Одуревший от безделья и трёх месяцев охоты писатель из дворян окинул вдруг поля, луга и прослезился, увидев лося: «Высокий и горбоносый, он втягивал воздух крупными ноздрями...» и проч. И вот эти два слова – «высокий и горбоносый» – Шурик пишет как «высокий Игорь Боносый». Так у него получалось с любыми словосочетаниями, из трёх слов он делал одно, из одного – три, в результате, диктант написал на «два».

Шурик работал во вторую смену, как-то он убедил Дубу, что не может рано вставать. Первые дни он грустно смотрел на входную дверь и опирался на перегородку, которая отделяла его от посетителей. Вскоре перегородка сломалась. Тогда Шурик стал брать с собой гитару.

Крис Мартин отправил жену стричься, а сам заинтересо-

вался гардеробщиком-гитаристом. Разговор с ломаных английского и французского быстро перешёл на язык музыки. Но перед этим они обменялись именами и пожали друг другу руки. Крис что-то спросил, и в вопросе его, Шурик мог поручиться, прозвучали названия групп «Битлз», «Пинк Флойд» и «Дип Папл». На что Шурик ответил рифом из «Смоук он зе уота»: тум-тум-тууум, тум-тум-ту-дууум... Крис вскрикнул и принялся хлопать в такт. Потом попросил гитару и очень технично отыграл длинную лирическую композицию. «Итс фо Катся», – тихо сказал Крис. Шурик, чтобы показать, что тоже владеет какой-никакой техникой, сыграл «Тендер Сёррендер» Стива Вая, за которую получил на экзамене пятёрку. Мартин отсчитывал слабые доли ногами, а руками стучал по сломанной гардеробной перегородке. На шум выбежали парикмахерши, клиенты, Катя. Крис Мартин ко всеобщему удовольствию сыграл ещё несколько песен для Катси, и закончил посвящением Катиной маме, у которой они жили на улице Матусевича. «О эта дивная улица, – шептал по-английски Крис, тихо перебирая струны, – дивная улица с дивным названием: “Matusevitcha”». Последний слог с таким импортным придыханием: «тчхаа».

Когда гости ушли, Шурик нашёл под вешалками такой толстый кошелёк. Открыл. С водительского удостоверения на него глядел губастый Мик Джаггер из Бельгии. Кроме удостоверения там были ещё пластиковые карточки, какое-то количество белорусских рублей и гораздо больше ев-

ро – хватило бы на новую гитару, рассказывал Шурик. Он отнёс находку администраторше. Созвонились с молодожёнами, те быстренько вернулись. Бельгиец пересчитал деньги и с криком «Ай лав Беларусь» хлопнул Шурика по плечу. «Ну всё, сейчас денег даст», – подумал Шурик. Но вместо этого Крис Мартин сбегал за шампанским и цветами. Цветы поделили между женским персоналом, шампанское стали пить. Крис снова играл песни фо Катся, захмелевшие парикмахерши, а вместе с ними и Шурик нестройно подпевали. Вскоре Шурик вспомнил, что опаздывает на очередной урок сольфеджио у Маевского, извинился, засобирался. Крис сказал, что хочет сделать ему подарок и протянул какой-то пакетик. Катя перевела, что если у Шурика когда-нибудь будет ответственный концерт, то, чтобы согреть руки, этот пакетик нужно встряхнуть, так делают музыканты в Бельгии. Шурик поблагодарил, оставил им гитару и выбежал из парикмахерской, надевая на ходу свою куртку.

Однако, добежав до остановки, он обнаружил в кармане кошелёк, открыл и снова увидел лицо Мика Джаггера. В другом кармане были ключи от машины. Сообразив, что надел куртку Криса Мартина, Шурик побежал обратно. В парикмахерской её уже обыскали. Крис Мартин буквально на шею бросился к Шурику, уже изрядно выпивший, стал благодарить и заверять, что его дом для Шурика всегда открыт, даром, что за две тысячи километров, но всегда можно приехать. Шурик отвечал в том же духе, что если когда-нибудь,

мало ли что, Криса Мартина не примут на улице с дивным названием, то всегда можно остановиться у него, пусть запишет номер.

Милиционер на лестничной клетке – это был всё-таки Дуба. Он служил во внутренних войсках, вскоре он должен был патрулировать улицы, а перед этим дали увольнительную. Он звонил, но я не снимал трубку, звонка в дверь я тоже, оказывается, не слышал.

Очевидно, что люди, долго не видевшие своих друзей, должны радоваться. Но внутри себя я ощущал какое-то препятствие. Дубе было проще. Всё в этот день шло по его плану, и он не мог этому не радоваться. У меня же план был совершенно иной, и мне каждый час приходилось его корректировать. Сначала я намеревался побыть полным хозяином в квартире с утра до вечера – такого у меня не было никогда. Потом Лёха с тараканом исключил из этого плана утро. Но я надеялся, что, когда мы достанем насекомое, я выпровожу и Лёху, и Шурика, тогда у меня останется ещё день и вечер. Но когда я увидел на лестничной клетке Дубу, понял, что план мой неосуществим вовсе.

На лице я изображал радость, внутри же чувствовал себя неоднозначно. Лицемер, думал я. Хочу быть один, хочу, чтоб мои друзья испарились.

Дуба оказался специалистом по насекомым. Когда в армии такое случалось, то солдатам промывали ухо водой. И Дуба утащил сопротивляющегося Лёху в ванную. Всё про-

изошло очень быстро. И вот уже Лёха вытирал полотенцем голову, а Дуба пытался обзвонить недостающих здесь Вадима, Андрея и Костю.

– Пашка, у тебя с телефоном что-то, – сказал он.

– Правда? Давай посмотрим. Ну вот, видите, провод вырвали, – я с осуждением посмотрел на друзей. Шурик с гитарой, Лёха с полотенцем, Дуба с трубкой.

С большой неохотой я всё же включил телефон.

Вскоре подтянулись Вадим, Андрей, Костя и Женька. Женька раздобыл где-то цифровой фотоаппарат и теперь всё фотографировал.

Когда начали считать, у кого сколько денег, я не выдержал:

– Давайте вы все пойдёте на улицу или к Лёхе, пока его мама не вернулась из ларька. Я присоединюсь к вам вечером, а сейчас посмотрите, сколько у меня дел: нужно перенести полки, книги, холодильник, микроволновку, распилить двухъярусную кровать и отнести половину в общагу, чтоб Шурику было где спать.

Меня так никто и не понял. Все выразили готовность помочь, чтобы и правда освободить в квартире место, так всем будет гораздо удобнее.

Вот кому было нескучно на протяжении следующих пары часов, так это обладателям белой кепки и красного берета. Они смотрели на нас и на то, что мы носили. Они озвучивали происходящее, создавая как бы вторую реальность – сло-

весную, нематериальную. И одна реальность была идентична другой.

– Полки несут.

– И откуда столько книг?

– Эй, парень, у тебя трусы упали, – орала бабка Лёхе, который тащил клубок одежды.

Лёха благодарил, наклонялся за шарфиком, и тут у него действительно вываливались трусы, которые подбирал Женька, потому что он всё равно только фотографировал.

Вадим с Андреем, не осторожничая, взялись за шкаф. Они толкали его коридором по направлению к двери, и шкаф оставлял на деревянном полу глубокие борозды. Впрочем, из-за того, что пол был давно не крашен и сильно облуплен, борозды его не портили. Когда я увидел, что шкаф чуть ли не сложился, то, не сдерживая себя, стал орать, чтоб Вадим с Андреем прекратили. Когда они прекратили, я полез на антресоль искать отвёртки, чтоб разобрать шкаф. На антресолях в беспорядке лежало много папиных вещей: обломки подрамников, обрывки холстов, кисточки, пыльный баян, который сколько-то лет назад принёс папин пьяный друг Кузя. Баян я аккуратно передал Вадиму, всё остальное просто сбрасывал на пол. Наконец нашёл набор отвёрток. Шкаф разобрали и перенесли по частям.

Дуба переоделся в штатское, которое отыскал тут же. Одежда у нас всех была общей, вращалась между нашими квартирами, и уже никто не помнил, что кому принадлежа-

ло. Это было удобно и создавало впечатление, что каждый раз ты надеваешь новую вещь, хотя вещам могло быть уже несколько лет. И я теперь точно не скажу вам, чьи на Дубе были штаны, чей ремень и чья майка с надписью «Born to be wild».

Переодетый Дуба пилил кровать, а Шурик развлекал его, играя на гитаре. Шурик вообще никак не помогал. Он говорил, что у него болит пятка, и мы над ним из-за этого подшучивали. Я подшучивал больше всех, а ещё считал его очень ленивым и хитрым. Когда мы ссорились, я орал, что он мог поумнее причину выдумать, хотя бы что болит живот. Пятка – звучало как-то нелепо. Потом окажется, что она действительно болела. И даже название у этой болезни есть. Сейчас не вспомню.

В какой-то момент у Кости на лбу появилась шишка: перенося микроволновку, он врезался в стеклянную перегородку возле общажных лифтов. Мама всё благодарила и благодарила. Наконец Лёха не выдержал и сказал:

– Марина Ивановна, перестаньте, вы, можно сказать, нас выкормили, и помогать вам – наша святая обязанность.

Вскоре квартира опустела, и стало заметно, что её давно не ремонтировали: облупившийся пол был весь в выщербинах, за унесённым шкафом обнаружили не только ободранные обои, но и отвалившийся кусок штукатурки.

8

Я стараюсь писать по утрам. Я решил, что денег на кофе у меня нет, поэтому завариваю чай и раскрываю этот файл. Сижу и думаю, как бы дописать всё, что происходило, и так, как это происходило.

– Могу ли я не писать? – спрашиваю себя.

– Пожалуй, что могу, – отвечаю.

– Стоило ли тогда уходить с работы?

– Почему ж нет? Зачем человечеству двуличный бухгалтер, который не считает себя бухгалтером, зачем ему хитрый журналист, который не считает, что он журналист? По-хорошему, мне надо приплачивать за то, что я не работаю ни бухгалтером, ни журналистом. Хотя мог бы. Да что там мог бы – работал!

Раз пошли такие разговоры, то сегодня уже ничего не напишу. Я одеваюсь и выхожу из дому. Иду по улице с одним названием, сворачиваю на улицу с названием другим. Я ведь могу рассказать про эти улицы. Вакансия: «Требуется тот, кто может рассказать именно про эти улицы и именно так, как может рассказать только он». Идеально. Тут я точно на своём месте.

Вот улица широкая с деревьями-каштанами, вот дома вдоль неё, их мы звали кукурузами. Если идти от первой кукурузы до последней, упрёшься в подземный переход, за ним

– Комаровка. Переход вымощен невзрачной серой плиткой. Некоторые из плиток – смотри не наступи – обязательно ша-таются и брызгаются водой, будто их подмывает невидимая река. Поднялся на берег – мимо павильона рынка, мимо до-ма мебели и торгового центра «Импульс» – пришёл. К зда-нию с высокими колоннами прилепилась кафешка.

Там не то чтобы дёшево, но всегда можно подобрать недо-рогие блюда или взять половину порции. А ещё в воздухе, кроме запаха жареной картошки и отбивной котлетки, вита-ет романтик колекшн вездесущего Поля Мориа. И если под музыку поглотить картошку да поглотить котлетку, то реаль-ность начинает меняться непропорционально тому, что я по-глотил. Глазные мышцы расслабляются, и зрачки перестают держать резкость, от чего посетители за соседними столика-ми размываются и становятся приятными цветовыми пятна-ми. Оркестр Поля Мориа заканчивает свой концерт под шум искусственной водяной мельницы, и его сменяет саундтрек моей молодости.

*вер-хом-на-зве-зде
вцепившись в лучи
слухом на поводке
в ночи*

Дрогнула рука у музыкального дизайнера. Да, что-то мы такое раньше пели. С какой-то луной, в какой-то ночи. Глу-по-то как.

*о жизнь ты прекрасна
о жизнь ты прекрасна, вполне
бываешь немного опасна...*

пустая аранжировка
реверберация двухтысячных
девушки на подпевках

поверь мне, что всё не напрасно...

не реви

и создал этот мир я сам

кто ж ещё

*возьми моё сердце
храни, вспоминай обо мне
поверь мне, что всё не напрасно*

а минора не хотели?

верь мне

Вакансия для никого.

Ведь это только я могу рассказать. Плохо ли, хорошо?
Другие никак не расскажут.

9

Мы пили и пели. Еды было немного. Я не то чтобы смирился с ситуацией, но просто растворился в ней. Даже стал подыгрывать на баяне, вроде как караоке. Шурик на гитаре, Вадим – на пианино, Лёха с бубном (инструментов всем хватило), Женька с фотиком – щёлк. В центре комнаты – старый кухонный стол, вместо лавки – отпиленный ярус кровати, несколько расшатанных табуреток и довольно широкий подоконник – тоже можно сидеть. Всё это из-под потолка освещает лампочка, которая включается вкручиванием в патрон. Иногда мы выходим курить на балкон. Как он нас выдерживает?

Пиво кончилось, когда ближайšie магазины уже закрылись, поэтому Андрей и Костя отправились на «Престон». Пока они ходили тёмной улицей князя-анархиста мимо фарфоровой фабрики, инфекционной больницы и обратно, мы долго репетировали торжественный свадебный марш, чтоб грянуть его, как только они переступят порог квартиры. Лёха старательно лупил в бубен мимо ритма, но мы на него не обижались – сложно попадать в ритм, когда у тебя нет этого чувства.

Репетицию оборвал звонок в дверь. Мы затихли в ожидании, пока Дуба щёлкнет замком, и начали сразу с той части, где вступают все инструменты: «Та // та // та-ра-рам // та-

та-там // та-ра-ра // та-ра-рааа-рам», в комнате нагнетается атмосфера ЗАГСа, Женька озаряет наши лица фотовспышкой цифровика, и тут мы вдруг умолкаем перед лицом толстой тётки-регистраторши браков и иных гражданских состояний, которая протиснулась в дверной проём и строгим голосом вопрошает, готовы ли мы быть вместе и в горе, и в радости:

– Дадите вы мне поспать наконец или нет?! – возмущается соседка, которую довольно сложно опознать без красного берета.

Все растерянно смотрят на меня, я собираю остаток трезвости в кулак и иду извиняться и обещать, что мы больше так не будем.

Когда через пару минут в дверь позвонили вновь, мы не стали собирать наш оркестр. На этот раз дверь открыл Лёха, но ни Кости, ни Андрея не увидел. Он поздоровался с моим отцом и пропустил его в квартиру, тот зашёл к нам в комнату.

Судя по некоторым признакам, то ли пошатыванию, то ли особенной растрёпанности его одежды, я понял, что он пьян ещё больше нашего.

– Привет, Павлик, – сказал папа.

– Тебя тут только не хватало, – с вызовом сказал я. – Зачем пришёл?

– Как это зачем? Домой... О, Кузин баян, – оживился папа. – А где мама, где Коля? Я ему шоколадку купил. Вот,

сейчас, – стал рыться в карманах.

– Уехали.

– Куда?

– Далекко. Тебе-то что?

– Да, что мне-то. Стыдно и гадко, – папа сел на табуретку, которая под ним хрустнула и развалилась.

Лёха с Дубой подбежали его поднять. Я был не очень-то рад, что все видят моего папу в таком состоянии. Думаю, Шурик тоже. Это он говорит:

– Слушай, пап, почему ты именно сегодня пришёл? Не мог другого дня выбрать? Ты посмотри, что у нас теперь, тут же лечь негде. Ехал бы ты на дачу!

– Ага, поеду сейчас на дачу, посплю ночь на остановке, как раз до первого автобуса. Ну и дети у меня. Вот спасибо.

– Ну что у тебя, друзей, что ли, нету? С кем ты пил сейчас? – это уже я.

– А вот с ним, – папа показал на баян.

– С Кузей, что ли? Так вот и иди к нему, пересиди до утра.

– Опять, что ли, в бытовку?

– В какую бытовку?

Папа рассказал, что скульптор Кузя (он правда был скульптором) реставрирует сейчас обелиск на площади Победы. Обелиск я помню с детства, рядом с ним находился мой первый детский сад. Громко сказано – сад, это было помещение с детскими кроватями на первом этаже сталинки, двор которой заканчивался забором троллейбусного депо. Сад я

ненавидел (меня там били скакалкой), заодно на долгие годы возненавидел район площади Победы. Единственное, что заставляло меня с ним мириться, – это почётный караул из пионеров. Я любил смотреть, как они идут к Вечному огню своим странным шагом и не обращают ни на кого внимания, типа это нормально – идти вот так по центру города. Потом для меня нашлось место в саду ближе к дому, потом пионеры исчезли, потом перекрыли газ в Вечном огне.

Однако папа говорил, что газ скоро дадут, и, чтоб было торжественно, обелиск надо немного подновить, чем и занимался Кузя. Во дворе дома «Подвиг народа» поставили бытовки для рабочих, в одной из них папа с Кузей провели сегодняшней вечер.

– Может, и ночь там проведёте, – предложил я. – Здесь-то всё равно спать негде.

Папа осмотрел мутным взглядом своё ветхое жилище, нас – молодых и здоровых, махнул рукой, сказав: «Ладно!», и вышел, столкнувшись в дверях с Костей и Андреем, у которых в пакетах позвякивало известно что.

Восстанавливать дальнейшие подробности и их очередность я не берусь: во-первых, столько лет прошло, ну а во-вторых, моя нетрезвая память сохранила только отдельные вспышки Женькиного фотоаппарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.